

Информация для цитирования:

Курилова С. Н. Переключение кодов в речи тундровых юкагиров : би- и полилингвальное повторение / С. Н. Курилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 72—92. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92.

Kurilova, S. N. (2023). Code-Switching in Speech of Tundra Yukaghir: Bi- and Multilingual Repetition. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 72-92. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92

**Переключение кодов
в речи тундровых
юкагиров:
би- и полилингвальное
повторение**

Курилова Самона Николаевна

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

кандидат филологических наук,

Международная научно-

исследовательская лаборатория

«Лингвистическая экология Арктики»

samonakur@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научного проекта «Сохранение
языкового и культурного многообразия
и устойчивое развитие Арктики и
Субарктики Российской Федерации»
(грант Правительства РФ,
соглашение № 075-15-2021-616)

**Code-Switching
in Speech of Tundra
Yukaghir:
Bi- and Multilingual
Repetition**

Samona N. Kurilova

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

PhD in Philology,

International research laboratory

“Linguistic Ecology of the Arctic”

samonakur@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded by the grant
No. 075-15-2021-616 from the
Government
of the Russian Federation for the project
«Preservation of Linguistic and Cultural
Diversity and Sustainable Development
of the Arctic and Subarctic
of the Russian Federation»

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Языковой репертуар тундровых юкаги-ров-полилингвов Нижнеколымья Якутии, численность которых сегодня составляет около 400, а носителей менее 50 человек, представлен юкагирским, чукотским, эвенским, якутским и русским языками. Их речь можно охарактеризовать как смешанную, включающую спонтанную мену кода внутри высказывания или между ними. Мы ставим целью впервые дать описание одного из частых случаев проявления кодового переключения — повторения. Установлено, что дублироваться могут местоимения, существительные, глаголы, а также вводные слова, предложно-именные конструкции, высказывания и их части. Чаше всего встречаются дублеты существительных в «голом» и пиджинизированном виде. В целом большинство повторов характеризуются как юкагирско-русские. Обнаруживаются случаи трехлингвального дублирования. Отсутствуют при дублировании переходы на чукотский и эвенский языки. Отмечена внутри- и межфразовая реализация повторов с двойственной направленностью от одного языка к другому и / или наоборот. В результате дискурсивного анализа определены выполняемые повторениями социально-прагматические функции. Автором вводится в научный оборот новый языковой материал в виде фрагментов из диалога и полилога, транскрипты которых ранее нигде не публиковались.

Ключевые слова:

язык тундровых юкаги-ров; якутский язык; русский язык; живая речь; переключение кодов; повторение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The linguistic repertoire of the tundra Yukaghir-Polylinguals in Lower Kolyma, Yakutia, with a population of approximately 400 and fewer than 50 speakers, is represented by the Yukaghir, Chukchi, Even, Yakut, and Russian languages. Their speech can be characterized as mixed, including spontaneous code-switching within and between utterances. Our goal is to provide the first description of one of the common cases of code-switching — repetition. It has been established that pronouns, nouns, verbs, as well as introductory words, propositional-nominal constructions, utterances, and their parts can be duplicated. Noun duplicates in both standard and pidginized forms are the most common. Overall, most duplicates are characterized as Yukaghir-Russian. Cases of trilingual duplication are also found. There are no transitions to Chukchi and Even languages during duplication. Intra- and inter-phrase realizations of duplicates with dual directionality from one language to another and / or vice versa are noted. As a result of discourse analysis, social-pragmatic functions performed by duplicates have been identified. New linguistic material, in the form of fragments from dialogues and polylogues, transcripts of which have not been previously published, is introduced into scientific circulation.

Key words:

Tundra Yukaghir language; Yakut language; Russian; spontaneous speech; code-switching; repetition.

Переключение кодов в речи тундровых юкагиров: би- и полилингвальное повторение

© Курилова С. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Юкагирский — один из тех языков, утрату которого в ближайшие десятилетия предполагали исследователи разных лет и ставили задачу его скорейшей документации (Г. фон Майдель в 1960-х годах, В. И. Иохельсон в 1900, Крейнович в 1950-х годах и др.). Однако по прошествии более ста лет юкагирский язык по-прежнему продолжает звучать в устах «очередного» старшего поколения носителей на Нижней и Верхней Колыме Якутии. Сегодня носителями тундрового юкагирского языка можно назвать около 40 человек (самому младшему 36 лет), а лесного — не более 5 (старше 60 лет). Однако юкагирский язык находится под угрозой исчезновения и требует особого внимания со стороны научного сообщества. Предварительные результаты последнего соцопроса, проведенного в марте этого года в с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, неутешительны: дети тундровых юкагиров школьного возраста в своем большинстве монолингвы и владеют только русским языком, а значит, утрачивается присущая юкагирскому народу полилингвальность. Еще первыми русскими землепроходцами юкагиры были отмечены как отменные полиглоты. Они могли говорить на своем языке и с легкостью переходить на два и более языка своих соседей. Такое полиязычие, его проявление в речевом общении — будучи достаточно новой темой в лингвистике и связанных с ней науках — и вдохновило юкагироведов на новые изыскания. Особое внимание уделяется явлению использования более чем одного языка в речи полилингвов в одной и той же ситуации, получившему название *переключение кодов* (далее — ПК).

В юкагироведении изучением некоторых явлений в сфере языковых контактов занимались отечественные и зарубежные лингвисты. Попытка описать наиболее древние языковые связи предпринята Е. А. Крейновичем (1958). Заимствованная лексика достаточно хорошо представлена в ряде наших публикаций и монографии [Курилова, 2022]. Вопрос иноязычного влияния на юкагирскую лексику также затрагивается в работах Г. Н. Курилова, Е. С. Масловой и А. А. Бурыкина [Курилов, 2003; Бурыкин,

2003; Maslova, 2003a; Maslova, 2003b и др.], а морфосинтаксис в этом ключе рассматривал немецкий лингвист Д. Матич [Matić, 2008]. Но именно А. А. Бурыкин в одной из своих статей поднял проблему ПК в юкагирском языке и на материале языка лесных юкагиrow рассмотрел вопрос о взаимодействии кодов, проявляющемся в виде интерференции, смешения и склеивания кодов, что, по его мнению, приводит к возникновению новых языковых формаций и смене кода [Бурыкин, 2006]. Актуальность обсуждаемых нами аспектов и явлений языковых контактов в данной статье обусловлена как языковой ситуацией, так и неосвещенностью многих вопросов в юкагирском языкознании. Впервые подвергаются анализу формы проявления кодовых переключений, и вводится в научный оборот новый речевой материал.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат транскрипты двух аудиозаписей речи тундровых юкагиrow, которые впервые вводятся в научный оборот. Одна из аудиозаписей, сделанных автором статьи в августе 2012 году в п. Черский Нижнеколымского района Якутии, содержит диалог между двоюродными братьями 1952 и 1960 годов рождения. Вторая аудиозапись, любезно предоставленная немецким профессором Мюнстерского университета (Westfälische Wilhelms-Universität in Münster) Деяном Матичем и сделанная в августе 2010 года в участке Урасалах недалеко от с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, представляет полилог, в который вовлечены пять участников-родственников, у которых различный языковой репертуар, характеризующийся многоязычием. Это женщина (1932 г. р.), два ее сына (1955 и 1963 г. р.), ее дочь (1958 г. р.) и племянница (1945 г. р.). У всех информантов схожая лингвобиография: с детства владеют родным юкагирским языком и являются либо трех- (владеют юкагирским, якутским, русским, а также понимают эвенский), либо четырехлингвами (владеют юкагирским, эвенским, якутским, русским, а также понимают чукотский). В ежедневной речи используют чаще всего якутский и русский язык (государственные языки Якутии), на юкагирский переходят только при общении со старшим поколением. Участники-коммуниканты используют некодифицированную речь, характеризующуюся неподготовленностью, спонтанностью и непринужденностью.

Методика исследования предполагает использование контент-анализа при выявлении структурных типов ПК, методов лингвистического анализа (описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ), количественного метода (статистическая обработка).

Под ПК мы понимаем попеременное использование двух и более языков, диалектов или вариантов языка в пределах одного дискурса (коммуникативного акта) или высказывания (предложения) в зависимости от условий коммуникации и цели. На основании применения к ПК структурно-грамматического критерия различают интерсентенциальный, или межфразовый (в пределах высказывания между предложениями и синтагмами) [Annamalai, 1989, p. 48], и интрасентенциальный, или внутрифразовый переход (в пределах предложения) [Мутылина, 2011, с. 55—57], при этом не наблюдается нарушения морфосинтаксических правил обоих языков (сохраняется грамматика и лексика обоих языков) [Хилханова, 2018, с. 669], имеется собственная синтаксическая связь внутри единицы [Студеничкин, 2006, с. 8]. На основе применения психолингвистических критериев установлено, что ПК происходит осознанно, намеренно, мотивированно [Казакевич, 2000, с. 16; Денисова, 2016, с. 23] или немотивированно [Myers-Scotton, 1993, p. 169; Bloom, 2000, p. 124], вызывается главным образом экстралингвистическими причинами [Чиршева, 2004, с. 50].

Соединение элементов разных языков в разговоре — явление подвижное и проявляющееся в различных вариациях. Сегодня многие ученые все больше поддерживают разработанную немецким лингвистом П. Ауэром типологию развития языковых контактов от ПК и смешения языков (далее СК — смешение кодов) [Auer, 1998; Auer, 2013] к смешанному языку. Другими словами, по диахроническому критерию ПК и смежные с ним явления (а это СК, вкрапления, островные фрагменты, заимствования) рассматриваются как этапы однонаправленного развития языковых контактов, составляющие единый континуум. И именно Ауэр один из первых применил приемы анализа разговора в исследовании ПК.

Таким образом, ПК составляет первый этап типологического континуума языковых контактов. На данном этапе с точки зрения ситуации мена кода что-то значит. И это значение индексирует какой-либо аспект ситуации или характеризует участника ситуации. Как следствие, исследователи социолингвистического и лексикопрагматического направлений ПК выделяют ситуативное и метафорическое кодовые переключения. Если ситуативное ПК имеет место при смене коммуникативной ситуации, то метафорическое переключение вызвано сознательными факторами, когда говорящий намерен достичь определенного коммуникативного эффекта [Проценко, 2004, с. 125; Остапенко, 2014, с. 174]. На основании выработанной американским лингвистом Д. Гамперцем классификации, объединившей понятия ситуативного и метафорического ПК, исследователи выделяют ряд подтипов разговорного ПК по выполняемым ими функциям, которые

входят в информационную (с целью передачи информации) и экспрессивную группы (для воздействия на получателя) [Чиршева, 2004, с. 37; Родионова, 2012, с. 144; Исаева, 2019, с. 152; Appel, 1987, р. 403; Hoffman, 1989, р. 44, и др.].

Информационная группа включает *референтное*, или референциальное ПК (говорящий не знает или забыл нужное слово, или сам предмет речи имеет отношение к другой культуре и языку); *предметно-тематическое* ПК (участникам легче обсуждать определенную тему на одном языке, а какие-то — на другом); *металингвистическое* ПК (в речь включены комментарии другого языка о самой коммуникации, ее компонентах, о многоязычной или одноязычной стратегии общения, о лингвистической компетенции коммуникантов); *персонализация-объективация* (личное мнение высказывается на одном языке, а объективная информация — на другом); *экономия языковых средств* (используется тот язык, который, по мнению коммуниканта, способствует более лаконичному выражению мысли в речи).

В экспрессивную группу входят *адресное*, или *директивное* ПК (говорящий адресует сообщение конкретному получателю в присутствии нескольких возможных адресатов); *эзотерическое* ПК (участники исключают из речевой ситуации или, наоборот, приглашают в обсуждение слушателя; участники переходят на язык одного из них в целях более эффективного обсуждения темы); *фатическое* ПК (говорящий меняет тон дискуссии и влияет на точку зрения, переключаясь на другой язык для установления, подтверждения или завершения контакта с собеседником); *эмфатическое* ПК (говорящий выделяет новую информацию (рематизация) на фоне уже известной с намерением донести информацию до собеседника понятнее); *перлокутивное* ПК (говорящий воздействует на собеседника с тем, чтобы вызвать у собеседника определенную реакцию, побудить к действию); *эмоциональное* ПК (говорящий вносит эмоциональную окраску через употребление междометий, ругательных слов и других экспрессивных единиц, которые не вредят структуре предложения); *самоидентификация* (говорящий выражает свою этническую принадлежность или способность общаться на определенном языке / языках); *поэтическое*, или *юмористическое* ПК (в речи содержатся шутки и игра слов другого языка); *стилистическое* ПК (в речи используются стилистические приемы — каламбур, ирония, метафора, гипербола и т. п. другого языка); *знаковое* ПК (в речь включены восклицания, теги, вводные слова другого языка); *декоративное* ПК (в речь вводятся цитаты, пословицы, поговорки, афоризмы другого языка).

Различные типы ПК в зависимости от выполняемых ими функций в речи маркируются цитатами, особым обращением к адресату, междометиями, дискурсивными единицами, оценочными фразами и повторениями. В нашей статье предметом исследования являются повторения в речи полилингвальных юкагиров как типичный случай кодового переключения.

В теории языковых контактов повторение, или дублирование, как один из структурных типов ПК в речи билингвов рассматривалось лингвистами в рамках исследования функциональности кодовых переключений в разных языках. При переключениях на английский язык русских студентов Г. Н. Чиршева установила употребление эквивалентных грамматических показателей в юмористических целях [Чиршева, 2008, с. 63]. О. С. Потанина отмечает лексические повторения как случаи самоисправления у современных билингвальных носителей васюганского диалекта хантыйского языка [Потанина, 2010, с. 105]. А. Ю. Мутылина отмечает в речи русско-китайских билингвов повтор прагматических значимых лексем, то есть несущих основную смысловую нагрузку в высказывании [Мутылина, 2011, с. 58]. Ю. Е. Галямина выделяет дублирование синонимичных составляющих при анализе случаев ПК и СК в речи кетско-русских и эвенкийско-русских билингвов [Галямина, 2012, с. 99]. В. Г. Гаврилова иллюстративно представила два типа марийско-русского переключения — лексическое и морфологическое [Гаврилова, 2012, с. 57]. На материале немецко-русских билингвов Т. С. Артамонова отмечает, что ПК с целью повторения гарантирует адекватность понимания [Артамонова, 2016, с. 54].

На материале живой речи тундровых юкагиров-полилингвов мы впервые начинаем детальное исследование различных форм проявления языковых контактов. Цель нашего исследования — описание случаев повторения единиц в речевых произведениях полилингвальных юкагиров. Родной язык юкагиров нами терминологически обозначается как родной, матричный, Я₁. Языки, на которые происходит переключение, представлены как другой, источник, гостевой, Я₂, Я₃. Таким образом, введены условные обозначения:

Я — язык, код;

Я₁ — родной, матричный язык;

Я₂ — чужой, гостевой язык, язык-источник;

Я₃ — чужой, гостевой язык, язык-источник.

В иллюстративном материале буквенные индексы указывают на язык, к которому относится явление:

ру — русский язык;

юк — юкагирский язык;

як — якутский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Юкагиры-полилингвы в живой речи довольно часто прибегают к использованию повторов средствами разных языков как одному из проявлений кодового переключения. Отмечено дублирование таких языковых единиц, как местоимение, существительное, глагол, а также вводного слова, предложно-именной конструкции, высказывания и его части.

3.1. Повторение местоимений

На примере повторения прономинальных единиц мы можем репрезентировать двунаправленность переключения — с $Я_1$ на $Я_2$ и наоборот. В примере 1 говорящий начинает с мены юкагирского вопросительного местоимения *кин* ‘кто’ (в фокусе и во множественном числе) на якутское вопросительное *ким* ‘кто’ (строка 02), а в последующей фразе — обратное переключение (строка 04). Ниже (строка 07) происходит дублирование указательных приименных местоимений — юкагирского *тун* ‘этот, эта, это’ на якутское *ити* ‘этот, эта, это’.

ПРИМЕР 1.

- Таат кинэк таннааҕарльэ, кинэк эвриэнүлльэлут таҥ йоходилэдьаапул.
Так кто на той стороне, кто бывают, наверное, те коневоды.
02 Э, *кинэк*^{ЮК}... ээ *кинэпул*^{ЮК}... *ким*^{ЯК}... ээ льэпул... идьээ
Э, *кто*^{ЮК}... ээ эти *кто*^{ЮК}... *кто*^{ЯК}... ээ эти... сейчас
03 чиин община^{РУ} Олёра, ээ кинэк.
Олёринская народная община, ээ кто.
04 Таҥ чии таннааҕар льэнульэлнүтэм буолла^{ЯК}, ээ *ким*^{ЯК}... *кинэк*^{ЮК}.
Эти люди на той стороне бывают, наверное, же^{ЯК}, ээ *кто*^{ЯК}... *кто*^{ЮК}.
05 Винокуров, ээ кинэк, Алешка льэмльэпули.
Винокуров, как его, Алешка их глава.
06 Тудэл тангудэн почэсэйнунум тудэ кин уоҕанэ.
Он туда отправляет своих детей.
07 Тадаат *тун*^{ЮК}... *ити*^{ЯК}... эл курильийиэн манньк^{ЯК} ээ кинуолльэлк
эл эвриэнуни.
Потом *это*^{ЮК}... *это*^{ЯК}... не знаю вот такое^{ЯК}, ээ никто не ездит. [Д-2012].

Подобные случаи немаркированных вставок $Я_2$, дублирующих значение единицы $Я_1$, свидетельствуют о психическом состоянии, когда говорящий пытается восстановить в памяти нужную ему информацию. Мена кодов би-/полилингвом в процессе коммуникативного акта способствует более эффективному извлечению в сферу сознания нужной информации о прошлом. Возможно, определенное содержание из прошлого восстанавливается эффективнее при обращении к языковой системе $Я_2$. Согласно

модели хранения и доступа к информации П. Колерса, либо системы двух языков существуют в памяти независимо друг от друга, и тогда лексиконы двух языковых систем в сознании билингва не смешиваются; либо они взаимосвязаны, и тогда лексиконы хранятся вместе [Проценко, 2004, с. 124]. Если мена кодов является следствием мыслительных операций (а также иных психоэмоциональных или физических нагрузок), то скорее подтверждается факт отграниченности двух языков друг от друга при сохраняющейся взаимосвязи между ними, иначе ПК было бы невозможным.

3.2. Повторение существительных

Чаще всего дублированию подвергаются имена существительные. Особый интерес вызывают дублиеты-существительные с юкагирско-якутско-русским ПК. Пример 2 включает повторение слов, выражающих понятие ‘пурга’ в разных его смысловых вариациях.

ПРИМЕР 2.

01 А Дэта^{пу} мэ кэчинг, Фидоскэ, ээ Дорэньэн аттараанурэн^{ак}, сразу^{пу} көлдээнг.

Я принес дэту^{пу}, когда я Федоску, ээ Дору провожал^{ак}, и я сразу^{пу} пришел.

02 БЭэ, мэ кэчимэк, хуодэбан тэт тэн...

Э, ты принес, как там этот твой...

03 В Аа, мэр амуч! Тан хуодэ көткэйнурэн уунулэханэн *ардах*^{ак}, *пургэ*^{пу} нолай.

Аа, хорошо! Как подходили, шли, *ветрено*^{ак}, *ветрено*^{пу} стало.

04 Алыс^{ак} илийэ^{юк} хаалахаальэнь.

Сильно^{ак} *ветер*^{юк} усилился.

04 БМм.

Мм.

05 В Тадаа абырам^{ак}. Танниги тэньи кэвэйлэха илийэ эвльэ.

Тогда помогло^{ак}. Когда отсюда ушли, ветра не было. [П-2010].

Коммуникант В, подбирая слова, сначала вставляет якутскую лексему, затем русскую (строка 03), а в последующей реплике (строка 04) уже использует единицу матричного языка. Значения этих трех лексем в языках-источниках передают разные погодные явления — якутское *ардах* означает ‘непогода; ненастье; дождь’ [Слепцов, 1972, с. 46], русское *пурга* ‘сильная выюга, снежная буря’ [Ожегов и др., 2006, с. 632], юкагирское *илийэ* ‘ветер; непогода; пурга’ [Курилов, 2001, с. 92]. Несмотря на несколько различную семантику терминов, для говорящего они связаны с понятием ветра, значение которого передает лексема матричного языка. Использование их

в речи способствует достижению стилистического эффекта (об интенсивности ветра сообщается через семантику инолексем). На информационном уровне через фокусную реплику с повтором создается контраст с целью выделить информацию, но при этом обеспечить адекватность понимания участниками коммуникативного акта.

Встречается также дистантное (межфразовое) повторение, когда дублет Я₂ возникает в одном высказывании-предложении, а дублет Я₁ — в другом. Так, в примере 3 нас интересует речь коммуниканта Б, который спонтанно использует для обозначения ягоды морошки русское название, хотя для обозначения плодов этого вида травянистого растения в юкагирском языке имеется свое название — *ньоронбуриэ* (букв. болотная ягода).

ПРИМЕР 3.

01 А Кинуолльэлк эл кэлут арай^{ак}?

А вдруг^{ак} никто не придет?

02 БЭэ, мэр эврэнутэй.

Будут ходить.

03 Чиипул мэр эврэнутэй синбиир^{ак}, пуриэ, *маруошкэгинь*^{ру} мэ кэлунутэй,

Люди придут все равно^{ак}, за ягодами, за *морошкой*^{юк} придут,

04 мэ кэлтэйли синбиир^{ак} мит.

мы придем все равно^{ак}.

05 А Ээ.

Да.

06 Б*Маруошкэ*^{ру} мэ льэтэй? *Ньоронбуриэ*^{юк} мэ льэтэй?

Морошка^{ру} будет? *Морошка*^{юк} будет?

07 В Ээ.

Да. [П-2010].

Тему разговора про сбор ягод говорящий Б со смешанной якутско-русско-юкагирской речью начинает пиджинизированной вставкой *маруошкэ* (с аффиксом дательно-направительного падежа *-нинь* матричного языка). Это слово первым возникло в его сознании, что, скорее всего, связано с частотой его употребления (строка 03). Далее следует межфразовое переключение в виде повторения реплики сначала с русской вставкой, затем с юкагирской (строка 06). Такая смена языка нацелена на правильное понимание собеседниками. Даже если все понимают, о чем идет речь, говорящий переходит на тот язык, который является основным для большинства собеседников, тем самым стремясь учесть языковые предпочтения всего состава участников коммуникативного акта. Предпочтение русизму может объясняться механизмом экономии речевых усилий, и, как нам кажется,

в первую очередь звуковоспроизводительных. Легче в общении применить тот эквивалент, который первым приходит на память в силу своей лаконичности и комфортного звуконабора. По емкости и звучанию русская *морошка* в определенной степени более краткая и емкая по сравнению с юкагирским дублетом *ньоронбуриэ*.

Дублирование лексемы сначала на одном языке, а потом на другом может быть реализовано в разных высказываниях, каждое из которых воспроизведено разными участниками соответственно. В примере 4 коммуникант А использует русизм *кабаруоткэ*, в речи представляющий собой пиджинизированную вставку (с падежным показателем местного падежа *-ба* матричного языка) (строка 03). Коммуникант Б в свою очередь предпочел использовать юкагирский эквивалент *чуондауџа* (букв. железная тарелка) в местном падеже, вероятно, «подчищая» высказывание на родном для обоих говорящих языке, но без намека на исправление речи собеседника (строка 04).

ПРИМЕР 4.

01 А Тидэн льэба пуриэ, пуриэ аптэллэк...

Это здесь ягоды, ягоды собравши...

02 БАха.

Да.

03 А ...йawnуо тадаат хадьир *кабаруоткэба^{py}*.

...и потом все в *сковородку^{py}*.

04 БАха, вот-вот^{py}. *Чуондауџаба^{юк}* титэ хаальэсун.

Да, вот-вот^{py}. *На сковородке^{юк}* вот так поджариваю.

05 Анаан^{ак} амуч.

Очень^{ак} хорошо! [П-2010].

Такое языковое предпочтение может быть связано с привычкой употребления слова на одном из языков (для обоих коммуникантов), а также с присутствием исследователя-лингвиста, интересующегося юкагирским языком, и желанием носителя продемонстрировать свою языковую компетенцию (для коммуниканта Б).

3.3. Повторение глаголов

Повторы-глаголы встречаются довольно редко. В примере 5 коммуникант Б спонтанно воспроизводит якутскую лексему с сохранением грамматики Y_2 (в первом лице будущего времени), а затем сам инициирует исправление на юкагирский эквивалент (в субстантивированной форме в дательно-направительном падеже), чему предшествует хезитация в виде когнитивного междометия э (строка 05).

ПРИМЕР 5.

01 А Льэги мэтинь... мэт... мэтинь наадзэ^{py}.

Это мне надо.

02 БЭе.

Да.

03 А Монабарнунгу?

Как говорят?

04 В Сэбирдэх^{як}.

Листья^{як}.

05 БЭе, таби идьиз *хамуйуом*^{як} ээ *аптэлгинь*^{юк}...

Да, это сейчас *соберу*^{як}... ээ *чтобы собрать*^{юк}...

06 В Нэмэнгол?

Для чего?

07 А Лекарство^{py}.

Лекарство^{py}. [П-2010].

Здесь самоисправление, на наш взгляд, связано с реализацией функции самоидентификации — говорящий непроизвольно переходит на Я₂ под влиянием предшествующего триггерного слова того же Я₂ и потом, опомнившись, поправляет себя обратным переходом на Я₁. Такую форму ПК еще называют *ошибочным*, или *соскальзыванием* [Лисковец, 2018, с. 87]. Триггерным словом в данном случае выступает якутизм *сэбирдэх* (строка 04), предшествующий ПК. По мнению Р. Т. Белла, происходит следующее: возникший в Я₁ элемент Я₂ вызывает неразрывно связанную с ним единицу Я₂, происходит переключение на другой код в пределах слова / слов или всей последующей интеракции [Белл, 1980, с. 188]. Согласно же теории триггеринга М. Клайна, при таком мотивированном чередовании кодов внимание акцентируется не на языковой системе, а на механизмах, которые обеспечивают функционирование вербальных систем в языковом сознании говорящего. Ментальному механизму переключения необходимо дополнительное время на то, чтобы определить, какую из двух языковых систем «включить» или «выключить» в процессе понимания речи [Остапенко, 201, с. 174].

Повторяться могут слова с качественным значением, которыми в юкагирском языке выступают качественные глаголы, а в русском — имена прилагательные. Поскольку такого класса слов, как прилагательные, в юкагирском нет, то их функцию выполняют глагольные основы с качественным значением (например, *ньааawэ* = ‘быть белым’, *читнэ* = ‘быть длинным’). В примере 6, высказывая свое мнение о вкусе травяного чая, коммуникант Б характеризует его юкагирским качественным глаголом в 3 лице

единственного числа *мэ тобуонь* (от качественного глагола *тобуол* = ‘быть густым’) (строка 02). Соглашаясь с мнением собеседника, участник А подчеркивает сказанное русским дублетом *густой* (строка 03), тем самым вызвав у слушающего активную эмоциональную реакцию, заключающуюся в использовании внутрифразового лексического повтора на Я₁ и Я₂ и выражающую этим речевым действием полное согласие.

ПРИМЕР 6.

01 А Йавнуо мэ лаум?

Все выпил (он)?

02 БЛэ таат эндэ лыуочуо. *Мэ тобуонь*^{юк}! *Мэ тобуонь*^{юк}!

Так, немного. *Густой*^{юк}! *Густой*^{юк}!

03 А *Густой*^{пу}!

Густой^{пу}!

04 БЭэ, *мэ тобуонь*^{юк}, *густой*^{пу}! Айю-ю!

Да, *густой*^{юк}, *густой*^{пу}! А-ай! [П-2010].

Русизм *густой* в данном случае напоминает островное ПК в позиции предикатива, поскольку связь с подлежащим подразумевается грамматической формой эквивалента Я₁, употребление которого в данном коммуникативном акте первично. В юкагирском корпусе фиксируются другие русские прилагательные в застывшей форме 3 лица единственного числа (*голубой*, *зубной*, *последнэи* и др.) [Курилова, 2022, с. 190].

3.4. Повторение вводных слов

Выявлен случай дублирования вводного слова. Пример 7 включает внутрифразовый переход в виде вставки якутского вводного слова *быһыылаах* ‘видимо, кажется’, за которым следует юкагирское *йуодабанэ* ‘видно, видимо, кажется; видать’ (строка 02).

ПРИМЕР 7.

01 А Уури лыиэ хатэ^{ак} лыгэ альбаги мэ амахаальэлтэй, тан Ураһалаах^{ак}.

Значит, вот точно^{ак} рыба поправилась, наверное, в том Урасалахе^{ак}.

02 БЛыэ кэслэги пойумуй *быһыылаах*^{ак}, *йуодабанэ*^{юк}.

Налима больше стало, *кажется*^{ак}, *кажется*^{юк}. [Д-2012].

Якутизм *быһыылаах* ранее не был зарегистрирован в нашем корпусе, однако его употребление в данном случае обусловлено привычкой его использования определенным носителем. В отличие от примера 5 здесь не наблюдается признаков самоисправления, речь ровная, без каких-либо hesitationных явлений, таких как пауза или когнитивные междометия.

Однако ПК задано коммуникативными намерениями говорящего повлиять на уже имеющееся мнение слушающего, подчеркивая свою некоторую осведомленность по обсуждаемой теме.

3.5. Повторение предложно-именных конструкций

В примере 8 мы можем видеть дублирование предложно-именных конструкций в пределах одного высказывания. Участники обсуждают, какой одеждой снабдили родственницу, приехавшую работать на выпасе стада без своих теплых вещей. В разговоре предпочтение коммуниканты отдают юкагирскому с присутствием заимствованных элементов из русского и якутского. Переход происходит в строке 05, когда говорящий В внезапно задает вопрос на русском, уточняя время, когда происходило событие. Одна реплика включает предложно-именную конструкцию *в мае*, вторая — пиджинизированную вставку *маайҕа*, где фонетически адаптированное русское название месяца оформлено показателем местного падежа Я₁-5а [Курилова, 2022, с. 224].

ПРИМЕР 8.

01 А Тудэ сукунҕа мэ кудэрэм, тудэ малахаайҕанэ^{py}.

Свой малахай^{py} положила с вещами.

02 Б Тудэ сукунҕа мэ кудичиильэл тан, букатин^{ак} эл курульуол.

В свои вещи положила, совсем^{ак} не видно.

03 В Ханьин?

Когда?

04 А Ньаавэйрукун.

Белая вещь.

05 В В мае^{py}? Маайҕа^{py}?

В мае^{py}? В мае^{py}?

06 Б Ээ! Мэ льэйльэлум, тун мононьэрэ кэwэч.

Да! Сделала что-то, с этой шапкой уехала. [П-2010].

Такой переход маркирует смену направления разговора: если до ПК речь идет о качественных составляющих предмета гардероба и его пополнении, то участник В переносит акцент на временной фактор, не нарушая смысловую связность дискурса. В итоге участник Б утвердительно отвечает на вопрос и подытоживает общим заключением.

3.6. Повторение части или всего высказывания

Некоторые части высказывания могут дублироваться фрагментарно, то есть происходит последовательное повторение не всего высказывания, а только информационно важного компонента. Так, пример 9 включает

кодовое переключение, цель которого — воздействовать на собеседника. Потребность коммуниканта А удовлетворяется только при смене кода, когда собеседник Б переходит на русский дублет в виде цитаты по отношению к русскоговорящему собеседнику В, находящемуся ближе к двери (строка 03). Троеточием в круглых скобках помечена опущенная часть беседы, где юкагирская фраза «дверь открой» адресуется участнику В в пояснительных целях целиком и по словам.

ПРИМЕР 9.

01 А Мит *сэспэ йонотэйк!*^{юк}

Нашу дверь *открой!*^{юк}

02 БЙоу, *сэспэ йонотэйк!*^{юк}

Эй, дверь *открой!*^{юк}

03 Дверь *откройте* говорит.^{ру}

Дверь откройте говорит.^{ру}

04 *Сэспэ йонотэйк!*^{юк}

Дверь открой!^{юк}

05 Во-от!^{ру}

Во-от!^{ру}

(...)

06 В Запомнил.^{ру}

Запомнил.^{ру} [П-2010].

Здесь функция воздействия сопровождается адресной, поскольку обращением на русском языке говорящий конкретизирует собеседника из числа других (ориентированность на слушающего, не владеющего языком Я₁). Грамматическая форма обращения Я₁ (строки 01, 02, 04 во 2 лице единственного числа) несколько отличается от той, которая реализуется в дублетном высказывании Я₂ (строка 03 во 2 лице множественного числа), однако смысловая нагрузка при этом не меняется.

Билингвальному повторению могут подвергаться целые высказывания. В примере 10 мы привели отрывок беседы, в котором на самом деле иницирующая реплика коммуниканта А носит информативный характер и ориентирована на всех присутствующих в доме-яранге (строка 01). Следующие высказывания коммуниканта Б адресованы конкретным слушателям: ученым-лингвистам, приехавшим к юкагирам документировать их язык (строки 02, 03).

ПРИМЕР 10.

01 А Хатэ^{як} Илья мэ кэлуй.

Хорошо^{як}, что Илья приехал.

02 Б*Спасибо, с приездом!*^{ру}

Спасибо, с приездом!^{ру}

03 *Молитэгэ кэдьлэллэха!*^{ЮК}*Большое спасибо, что приехали!*^{ЮК} [П-2010].

Таким образом, причиной переключения явилась смена адресата. Переход от $Я_2$ к $Я_1$ связан как с эмоциональным состоянием говорящего (положительная реакция на неожиданных гостей), так и с желанием установить контакт. Как и в примере 9, смысловая нагрузка равновесна в репликах строк 02 и 03, несмотря на различное грамматико-синтаксическое построение.

4. Заключение = Conclusions

Впервые приведенный в данной статье материал, репрезентированный на основе транскриптов диалогической и полилогической речи тундровых юкагиров, свидетельствует, с одной стороны, о наличии в языке обилия лексических СК с привлечением элементов типологически разных языков — тундрового юкагирского, якутского и русского, а с другой — о довольно частом переключении с родного языка на другой. Дублирование синонимичных элементов двух и более языков является одним из самых распространенных типов кодового переключения. Такое ПК по структурному критерию называется *выбор кода*, когда одна реплика произносится на одном языке, а другая — на втором [Чиршева, 2004, с. 16].

Анализ речевого материала показал, что юкагиры-полилингвы в основном чередуют местоимения и существительные, глаголы, вводные слова, предложно-именные конструкции, а также высказывания и их отдельные части. Чаще всего встречаются дублиеты имен существительных. Используемые носителями матричного языка лексические эквиваленты $Я_2$ могут иметь в $Я_1$ «голый» или пиджинизированный вид. При этом чередоваться дублируемые синонимичные единицы могут внутрифразово в речи одного говорящего и «дистантно» (в различных репликах) — либо в отдельных высказываниях одного коммуниканта, либо в отдельных высказываниях, производимых разными участниками коммуникативного акта.

Направленность лексического повторения характеризуется двойственностью: от $Я_1$ к $Я_2$ (чаще от юкагирского к русскому, реже от юкагирского к якутскому), от $Я_2$ к $Я_1$ (от якутского или русского к юкагирскому), от $Я_2$ к $Я_3$ (от якутского к русскому). Если встречается третий тип направленности, то есть вероятность, что говорящий в последующих своих высказываниях непременно употребит эквивалент на своем родном языке. Также мы можем отметить тип направленности от $Я_2$ к $Я_{2,1}$, где $Я_2$ — это вставка исходной формы явления другого языка, а $Я_{2,1}$ подразумевает то же самое явление, но уже включающее системные морфемы $Я_1$.

Повтор эквивалентной лексики и высказываний на юкагирском, якутском и русском языках объясняется ориентированностью на адресата (примеры 3, 9, 10) и желанием установить с ним контакт (пример 10), намерением оказать эффект, воздействие на слушающего или его мнение с целью получить обратную реакцию и ответное действие (примеры 6, 7, 8, 9), попыткой вспомнить нужное слово или поправить себя (примеры 1, 5), привычкой использовать единицу одного из языков (примеры 3, 4, 7), стремлением использовать более удобное слово (пример 3) или выделить информацию (примеры 2, 8), а также триггерингом (пример 5). Учитывая указанные причины кодового переключения, выбор юкагирами-полилингвами между синонимичными альтернативами может быть спонтанным (если говорящий забыл нужное ему слово, ошибочно или по привычке использовал слово) или сознательным (показать свою языковую компетенцию, выделить или ввести новую информацию, использовать более лаконичный эквивалент). Таким образом, повторение в юкагирской речи реализует референтную, адресную, фатическую, эмфатическую, перлокутивную, эмоциональную, стилистическую функции, а также используется в целях экономии речевых усилий и самоидентификации. Случаи дублирования могут быть многофункциональными, когда одна из прагматических функций сопровождается другими (например, в примере 2 реализуются функции фатическая, эмфатическая и стилистическая функции; функция самоидентификации реализуется практически всеми дублетами).

Имеющийся материал показал, что из четырех кодов, на которые переключаются тундровые юкагиры, лишь два задействованы в дублировании: якутский и русский.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Д-2012 — *Диалог*, записанный автором в 2012 г. Черский Нижнеколымского района Якутии.
2. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь / Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2001. — 608 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., допол. — Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2006. — 944 с.
4. П-2010 — *Полилог*, записанный С. Оде и Д. Матич в 2010 г. В участке Урасалах Нижнеколымского района Якутии.
5. Слепцов П. А. Якутско-русский словарь / П. А. Слепцов. — Москва : Советская энциклопедия, 1972. — 608 с.

Литература

1. Артамонова Т. С. Процессы контактирования языков : билингвизм, переключение кодов / Т. С. Артамонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4 (58). — Ч. 1. — С. 51—55.
2. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. — Москва : Международные отношения, 1980. — 320 с.
3. Бурыкин А. А. Переключение кодов, смешение кодов, кодовая парадигматика и проблемы идентификации смешанных форм речи / А. А. Бурыкин // Уралистика : материалы XXXV Междунар. филол. конф. (13—18 марта 2006 г., Санкт-Петербург). — Санкт-Петербург : Наука и Просвещение, 2006. — Выпуск 6. — Ч. 1. — С. 32—38.
4. Бурыкин А. А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхне-колымских, юкагиров / А. А. Бурыкин // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — С. 169—180. — ISBN 978-5-02-025588-3.
5. Гаврилова В. Г. Дублирование как одно из проявлений переключения / В. Г. Гаврилова // Финно-угорский мир. — 2012. — № 3 (4). — С. 56—59.
6. Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) / Ю. Е. Галямина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1 (116). — С. 96—100.
7. Денисова Е. А. Теоретические предпосылки к изучению термина «билингвизм» / Е. А. Денисова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 11 (53). — Ч. 2. — С. 22—24. — DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.049.
8. Исаева М. Г. Прагматические функции кодовых переключений в массмедийных текстах : эколингвистический подход / М. Г. Исаева, А. В. Моисеенко // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 2 (17). — С. 150—155. — DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10400.
9. Казакевич О. А. Смешение и переключение кодов в речи северных селькупов / О. А. Казакевич // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 14—21.
10. Крейнович Е. А. Юкагирский язык / Е. А. Крейнович. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — 288 с.
11. Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка : развитие лексики и роль в нем якутского языка / Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2003. — 288 с. — ISBN 5-02-031854-X.
12. Курилова С. Н. Русская лексика в языке тундровых юкагиров / С. Н. Курилова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 256 с. — ISBN 978-5-02-041495-2.
13. Лисковец И. В. Русско-белорусское переключение кодов в г. Минске / И. В. Лисковец // Коммуникативные исследования. — 2018. — Выпуск 1 (15). — С. 85—96. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96.
14. Мутылина А. Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) / А. Ю. Мутылина // Вестник Иркутского государственного педагогического университета. — 2011. — № 1. — С. 52—60.
15. Остапенко Т. С. Становление понятия «переключение кодов» : междисциплинарный подход / Т. С. Остапенко // Социо- и психоллингвистические исследования. — 2014. — Выпуск 2. — С. 171—176.

16. Потанина О. С. Внутреннее переключение кодов в хантыйском языке / О. С. Потанина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Выпуск 7 (97). — С. 102—106.
17. Проценко Е. А. Проблемы переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 123—127.
18. Родионова О. С. Функции и типы переключения кода в немецком языке : теоретический аспект / О. С. Родионова, Н. В. Абрамова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. — 2015. — № 1 (33). — С. 139—148.
19. Студеничкин Ю. И. Английско-тагальское переключение кодов в условиях двуязычия на Филиппинах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ю. И. Студеничкин. — Санкт-Петербург, 2006. — 136 с.
20. Хилханова Э. В. К вопросу о терминах переключения кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения / Э. В. Хилханова, Ж. Б. Папинова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 667—671.
21. Чиршева Г. Н. Двуязычная коммуникация / Г. Н. Чиршева. — Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. — 190 с. — ISBN 5-85-341-155-1.
22. Annamalai E. The language factor in code mixing / E. Annamalai // International Journal of the Sociology of Language. — 1989. — Vol. 74. — Pp. 47—54.
23. Appel R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. — London ; Baltimore, MD : Edward Arnold, 1987. — ISBN 0-7131-6491-3.
24. Auer P. Bilingual conversation / P. Auer. — Amsterdam ; Philadelphia ; Benjamins, 1984. — 54 p. — ISBN 90-272-2541-9.
25. Auer P. Code-switching in conversation : language interaction and identity / P. Auer. — London : Routledge, 1998. — 355 p. — ISBN 9780203017883.
26. Auer P. Discourse or grammar? VS patterns in spoken Hewbrew and spoken German narratives / P. Auer, Y. Maschler // Language Sciences. — 2013. — Vol. 37. — Pp. 147—181. — DOI: 10.106/j.langsci.2012.08.005.
27. Bloom J.-P. Social meaning in linguistic structure : code-switching in northern Norway / J.-P. Bloom, J. J. Gumperz // The Bilingualism Reader. — London : Routledge, 2000. — Pp. 111—137.
28. Hoffman E. Lost in translation : a new life in a new language / E. Hoffman. — New York : Dutton, 1989. — 288 p. — ISBN 9780099428664.
29. Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir / E. Maslova. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2003a. — 610 p. — ISBN 3-11-017572.
30. Maslova E. Tundra Yukaghir / E. Maslova. — München : Lincom Europa, 2003b. — 97 p.
31. Matic D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax / D. Matic // Sprachkontakt, synchron und diachron. — Aachen : Shaker, 2008. — Pp. 93—124.
32. Myers-Scotton C. Duelling languages. Grammatical structure in code-switching / C. Myers-Scotton. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 263 p. — ISBN 10: 0198240597.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023,
одобрена после рецензирования 09.06.2023,
подготовлена к публикации 20.06.2023.*

Material resources

- D-2012 — *Is a dialogue recorded by the author in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia.* (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (2001). *Yukagir-Russian dictionary.* Novosibirsk: Nauka. 608 p. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., supplement.* Moscow: LLC "ITI Technologies". 944 p. (In Russ.).
- P-2010 — *Polylogue, recorded with. Ode and D. Matic in 2010 In the Urasalakh section of the Nizhnekolymsky district of Yakutia.* (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (1972). *Yakut-Russian dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).

References

- Annamalai, E. (1989). The language factor in code mixing. *International Journal of the Sociology of Language*, 74: 47—54.
- Appel, R., Muysken, P. (1987). *Language contact and bilingualism.* London; Baltimore, MD: Edward Arnold. ISBN 0-7131-6491-3.
- Artamonova, T. S. (2016). The processes of contacting languages: bilingualism, code switching. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 4 (58) / 1: 51—55. (In Russ.).
- Auer, P. (1984). *Bilingual conversation.* Amsterdam; Philadelphia; Benjamins. 54 p. — ISBN 90-272-2541-9.
- Auer, P. (1998). *Code-switching in conversation: language interaction and identity.* London: Routledge. 355 p. ISBN 9780203017883.
- Auer, P., Maschler, Y. (2013). Discourse or grammar? VS patterns in spoken Hewbrew and spoken German narratives. *Language Sciences*, 37: 147—181. DOI: 10.1016/j.langsci.2012.08.005.
- Bell, R. T. (1980). *Sociolinguistics. Goals, methods and problems.* Moscow: International Relations. 320 p. (In Russ.).
- Bloom, J.-P., Gumperz, J. J. (2000). Social meaning in linguistic structure: code-switching in northern Norway. In: *The Bilingualism Reader.* London: Routledge. 111—137.
- Burykin, A. A. (2006). Code switching, code mixing, code paradigmatics and problems of identification of mixed forms of speech. In: *Uralistics: materials of the XXXV International. philol. conf. (March 13—18, 2006, St. Petersburg)*, 6 (1). St. Petersburg: Science and Enlightenment. 32—38. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2003). Russian lexical borrowings in the language of forest, or Verkhnekolymsk, yukagirov. In: *Lexical Atlas of Russian vernacular dialects: materials and research.* St. Petersburg: Nauka. 169—180. ISBN 978-5-02-025588-3. (In Russ.).
- Chirsheva, G. N. (2004). *Bilingual communication.* Cherepovets: GOU VPO ChSU. 190 p. ISBN 5-85-341-155-1. (In Russ.).
- Denisova, E. A. (2016). Theoretical prerequisites for the study of the term “bilingualism”. *International Research Journal*, 11 (53) / 2: 22—24. DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.049. (In Russ.).
- Galyamina, Yu. E. (2012). Structural types of code switching in the speech of speakers of endangered languages (based on the material of the Ket and Evenk languages). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1 (116): 96—100. (In Russ.).

- Gavrilova, V. G. (2012). Duplication as one of the manifestations of switching. *Finno-Ugric world*, 3 (4): 56—59. (In Russ.).
- Hilkhanova, E. V., Papinova, Zh. B. (2018). On the question of the terms of code switching, mixing of codes, inclusions and criteria for their differentiation. *The world of science, culture, education*, 2 (69): 667—671. (In Russ.).
- Hoffman, E. (1989). *Lost in translation: a new life in a new language*. New York: Dutton. 288 p. ISBN 9780099428664.
- Isaeva, M. G., Moiseenko, A. V. (2019). Pragmatic functions of code switches in mass media texts: an ecolinguistic approach. *Verkhnevolszhsky Philological Bulletin*, 2 (17): 150—155. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10400. (In Russ.).
- Kazakevich, O. A. (2000). Mixing and switching codes in the speech of northern Selkups. In: *Speech communication in the conditions of linguistic heterogeneity*. Moscow: Editorial URSS. 14—21. (In Russ.).
- Kreinovich, E. A. (1958). *Yukagirsky yazyk*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (2003). *Lexicology of the modern Yukaghir language: the development of vocabulary and the role of the Yakut language in it*. Novosibirsk: Nauka. 288 p. ISBN 5-02-031854-X. (In Russ.).
- Kurilova, S. N. (2022). *Russian vocabulary in the language of tundra Yukagirs*. Novosibirsk: Nauka. 256 p. ISBN 978-5-02-041495-2. (In Russ.).
- Liskovets, I. V. (2018). Russian-Belarusian code switching in Minsk. *Communicative research*, 1 (15): 85—96. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96. (In Russ.).
- Maslova, E. (2003a). *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 610 p. ISBN 3-11-017572.
- Maslova, E. (2003b). *Tundra Yukaghir*. München: Lincom Europa. 97 p.
- Matić, D. (2008). Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax. In: *Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker. 93—124.
- Mutyulina, A. Yu. (2011). On the differentiation of the concepts of “switching” and “mixing codes” (on the example of oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing). *Bulletin of Irkutsk State Pedagogical University*, 1: 52—60. (In Russ.).
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages. Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press. 263 p. ISBN 10: 0198240597.
- Ostapenko, T. S. (2014). The formation of the concept of “code switching”: an interdisciplinary approach. *Socio- and psycholinguistic studies*, 2: 171—176. (In Russ.).
- Potanina, O. S. (2010). Internal code switching in the Khanty language. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 7 (97): 102—106. (In Russ.).
- Protsenko, E. A. (2004). Problems of code switching in foreign linguistics. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 123—127. (In Russ.).
- Rodionova, O. S., Abramova, N. V. (2015). Functions and types of code switching in German: theoretical aspect. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. Philology*, 1 (33): 139—148. (In Russ.).
- Studenichkin, Yu. I. (2006). *English-Tagalog code switching in the conditions of bilingualism in the Philippines*. PhD Diss. St. Petersburg. 136 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.05.2023;
approved after reviewing 09.06.2023;
accepted for publication 20.06.2023.*